

Впечатления от новой книги Захара Прилепина невероятно сложные. Сама по себе непростая тема книги: Донбасс до сих пор болит, и боль эта незаживающая.

С одной стороны, подкупает авторский запал в начале повествования. Вот – из самого начала книги: «Мне было ужасно хорошо. Начиналась новая жизнь. Новая жизнь сулила новые открытия, новые встречи, смерть. Много всего»). Как хороши эти строки! Новая жизнь, от которой ужасно хорошо и которая сулит смерть! Ведь самые главные откровения в жизни – это откровения смерти, как выразился русский философ С.Н. Булгаков. Война делает смерть ближе человеку, а перед лицом смерти можно не лукавить ни себе ни другим, можно быть честным, можно любить и жертвовать. Все это и есть откровения смерти, они же откровения любви. Это прекрасно знают люди в Донбассе, спросите их – они вам скажут, что в 14–15-м году они не помнят, что они ели и пили, но помнят, как они любили, жертвовали, помогали друг другу, спасали друг друга. Посреди войны, в обстоятельствах войны. Во время войны. Исключительно во время войны.

С другой стороны, не может не задеть за живое авторское разочарование во всей донбасской истории. На тех же первых страницах, чуть только читатель учувствовал, как это обычно бывает, свежесть начала повествования, как вдруг будто обухом по голове строки: «Кит теперь не знаю где, а Катасура убили (это автор рассказывает о бойцах своего батальона. – *А. К.-Л.*); спросить не у кого. Батальона тоже нет, гостини-

цы нет, республики той, в запомнившемся, как на лучшем фото, виде, нет. Швейк один стоит, ледяной» (Бравый солдат Швейк – это статуя рядом с гостиницей, где располагался батальон Прилепина).

Потому и сложное впечатление после прочтения книги. Впрочем, если ее будет читать человек, знакомый с темой Донбасской войны (а скорее всего именно такие люди и станут читать книгу, равнодушные же к Донбассу таковыми и останутся, для них все просто), то он встретит то, что сам уже давно носит в себе: и разочарование, и надежду, и боль, и страх, и снова надежду, и снова боль... – в этом коктейле поди разбери все ингредиенты! Прилепин взялся разобрать.

А по пути, как и прилично русскому литератору, сделал немало интересных замечаний – и о войне, и обо всем, что ей сопутствовало. О персонажах, о целых направлениях в нашей современной России.

Например, хорошо сказано о русском рэпе в свете Донбасской войны. Вот Прилепин пишет: «Но в том и заключался парадокс, что все наши рэп-музыканты, косящие под гопарей или воистину ими являющиеся, подчеркивающие всяким своим жестом или самим своим небритым, медленно цедающим суровые слова, как бы всегда усталым видом природное, земное происхождение, – донбасских дорожек избежали. Эти пацаны жили ровно – и ровно обошли Донбасс стороной». Это касается, однако, не только рэперов-гопарей, но и наших патриотических рэп-артистов, которые так искренне со сцены читали о боли за Россию, но когда у России случилась настоящая боль, то эти рэп-артисты так и продолжили говорить о боли за Россию, а Донбасс при этом «ровно обошли стороной». Почему? Прилепин дает ответ:

«...Для начала – тут стреляли. Кроме того, происходящее здесь слишком густо было замешано на патриотизме, а гопари – как вольный слепок с блатарей – государства не любят. Наконец, заезд в Донецк мешал мягкому вращению в шоу-бизе, где таких вещей не прощали, и могли вытолкнуть с палубы, на которую таких стараний стоило взобраться».

Но о рэпе в книге – вскользь и мимолетно. Оно и правильно, поскольку и сам рэп оказался темой и скользкой, и мимолетней. Главная же цель книги, как о том и говорил сам автор, состояла в том, чтобы запечатлеть в памяти события, имена, лица. Ведь действительно: мы помним из древней истории и имена, и даты, а буквально о вчерашнем дне почти ничего не знаем: Чечня, армяно-азербайджанский конфликт, война в Южной Осетии – о чем там было вообще, кто там с кем воевал? Здесь, как выразился Прилепин, у нас бытие слабо пульсирует, у нас у всех – у всего поколения. И вот для того чтобы дать кардиограмму нашего бытия с 2014 года, написалась эта книга.

Автор с любовью описывает всех, кто непосредственно или опосредованно принимал участие в войне за Донбасс. Здесь и лица ополченцев из батальона Прилепина, здесь первый глава республики Александр Захарченко, его советники, Дима Хаски, Эдуард Лимонов, Эмир Кустурица, Никита Михалков и т. д.

Вот, например, описание ополченца с позывным Граф: «Граф, думая, глядя на него, был в детстве падкий на ласку, теплолюбивый, – и угодил к таким родителям. Господь с ним в какую-то свою игру забавлялся, лепил из белобрысого мальчугана что-то нужное себе». Нужен был Граф на войне, для войны, это понятно из повествования.

Вообще все происходящее, всю войну Прилепин то и дело перемещает из временного измерения в измерение вечности. Когда в книге рассказывается о планировавшемся наступлении на Киев, автор пишет,

что он был «на легком, радостном, но свербящем психозе: как все пойдет?» А вдруг колонну накроет артиллерия, например, и тогда всё, зря были все эти долгие сборы на войну... И тогда Прилепит раскрывает свое видение всего происходящего: «На самом деле думал так: я ждал этого больше всего на свете, – Господи, дай досмотреть хотя бы первую серию. Если закрутится сюжет – я уже примерно знаю, чем закончится, я читал в исторических хрониках... Всё воспроизводилось, ломаясь в кривых зеркалах, из века в век. Но первую-то серию хотелось увидеть – самому; я и в Донецк переехал окончательно в одной тайной вере: что моя ничем не объяснимая удачливость, моя неубиваемость, моя неотмляемость, мои сорок тысяч ручных ангелов за спиной, – все это окажется тем смешным и малым вкладом в победу, которого до сих пор не хватало».

Победа в войне у Прилепина обеспечивается не только количеством пушек (как думают обычно о войне, не правда ли), и даже не только нравственной правотой Донбасса по отношению к украинским карателям. Прилепин прекрасно понимает, что одними пушками войну не выиграть, будь у тебя их хоть сто тысяч (а у республики ста тысяч не было и нет), и одной только нравственной правоты недостаточно тоже, увы. Поэтому он пытается найти еще какие-то иные, метафизические пути к победе. Через смерть, например. После смерти Захарченко (это центральное событие в книге, центральное событие в донбасской войне) Прилепин вспоминает историю об отце и сыне, которые угодили вместе в полынью, и отец, чтобы спасти сына, ухватил его за шиворот и с силой бросил его из ледяной воды, а сам после этого стремительно ушел под лед. Сын остался жить. «Отец выбросил сына силой своей смерти», – заключает Прилепин и пишет, что его отец умер рано, потому что устал жить, но выбросил его самого вперед, вверх, опять же – «силой своей смерти». «Я всем существом надеялся, – пишет Захар, – что Захарченко, приняв смерть, – вырвет, выбросит из-под льда свою республику, свой народ; иначе какой тогда смысл был во всем». И действительно, был ли смысл во всем? В смерти Захарченко? В смертях других людей, бойцов, стариков и детей? У кого спросить? Или так и сверлить этим вопросом, как неубиваемым сверлом, всё вокруг: дерево, бетон, сталь, саму жизнь...

«Боль, которая здесь, – ее никто не учитывает, у этой боли нет цифрового эквивалента». Так заключает Прилепин. То есть нет какой-то ясной моральной системы, которая возьмет и всё влегкую расставит по своим местам, объяснит и оправдает всё зло, всю боль, все смерти, гробы и гробики; которая придет, как полицейский, в нашу жизнь, проведет расследование, составит акт – и обвинительный, и оправдательный. Да все виноваты, и так знаем. Но не всех оправдать можно, да и не все оправдания себя хотят. И быть может, что те, которые меньше всего хотят оправдываться, больше всего заслуживают оправдания.

В книге есть строчки, которые иного верующего могут шокировать. Это Прилепин цитирует песню рэпера Хаски: «Знай, в подъезде безопасно, как у Господа во рту». «Я почему-то всегда пел эту строчку так: "...знай, в подъезде безопасно, как у Господа в аду", – пишет автор и поясняет: – Потому что – в аду безопасно, Господь присмотрит, это его епархия, он там за главного распорядителя – без его ведома ни один волос не упадет, внутренний орган не лопнет, глаз не выгорит».

Почему в аду безопасно – все-таки непонятно. Ад – вроде как епархия сатаны, а не Господа. Господь спускался во ад, ну и всё, потом под-

нялся. В аду – грешники, в аду сатана и страдания. В аду Бога нет. Но здесь, судя по всему, у Прилепина сработала глубокая метафизическая интуиция, которую в двух словах не пояснишь. Но тем она и интереснее.

У христианского мистика Мейтера Экхарта в «Духовных проповедях» есть такая мысль насчет ада. В одной из своих проповедей, она называется «О сокровенной глубине», философ спрашивает: а что горит в аду? В аду, должны мы, по идее, ему ответить, горят грешники, грехи их горят и т. д. Но Экхарт по привычке отвечает: а вот и нет, в аду горят не грехи, в аду горит ничто. И далее Экхарт приводит такой пример, он любит примеры всякие, проповеди он ведь читал простому люду: «Возьми, – говорит Экхарт, – горящий уголь и положи его на мою руку. Если бы я сказал: уголь жжет мою руку, то я был бы несправедлив к нему. Если я должен определить, что собственно меня жжет, то это делает “ничто”. Ибо в угле есть нечто, чего нет в моей руке. Если бы рука обладала всем тем, чем обладает и что дает уголь, она была бы вполне огненной природы. И бросили бы тогда на мою руку весь огонь, который когда-либо горел, он не причинил бы мне боли. Поэтому я утверждаю, что Бог и все те, что пребывают в блаженном созерцании Его, имеют нечто, чего не имеют отлученные от Бога. И единственно это “ничто” мучает пребывающие в аду души больше, чем своеволие или какой-либо огонь. Я говорю правду: поскольку ты захвачен этим “ничто”, постольку ты несовершенен. Поэтому, если вы хотите быть совершенны, вы должны освободиться от всякого “ничто”».

Удивительная мысль, не правда ли? Возьмем на себя смелость и продолжим ее, буквально на один шаг. Человек, оказавшийся «в аду», в действительности оказывается не где-то далеко от Бога (как можно оказаться далеко от Бога? Он везде!), но напротив – он оказывается пред Богом. И все его, человека грешного, страдания – именно оттого, что он предстал пред Творцом. Но мучает его не Творец, мучает его то ничто, на месте которого должна была быть Божественна Благодать. Подобно тому, как при соприкосновении ладони с угольком человека мучает ничто, то есть отсутствие в нем того, что присутствует в угольке, точно так же и при встрече с Божеством человека мучает ничто, то есть отсутствие в нем того, что присутствует в Божестве, а именно отсутствие Благодати. Поэтому «Ад» – это и есть Бог.

Некоторые не попадут в ад, а некоторые, наверное, попадут, но все они, все мы предстанем перед Творцом. И рядом с Ним найдем себя кто ад, кто рай.